

УДК 164.02

ЗНАК, КОММУНИКАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ТЕКСТ (ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ МОДУСАХ ЗНАКА)

Шиян Т. А.

Аннотация: В статье рассматривается понимание культуры как парадигматической структуры, задающей многообразие институциализированных культурных форм некоторого устоявшегося сообщества людей, форм его социальной жизни, деятельности, поведения его членов и т.п. За основу построения теоретической модели берется сосюроевское различение языка и речи, дополняемое различением индивидуальной и общественной форм самого языка. Так вводится представление о трех формах проявления «языковой (речевой) деятельности»: в речи (в коммуникации), в индивидуальном языке (смысловой структуре субъекта), в коллективном языке (смысловой структуре культуры). Далее «языковая (речевая) деятельность» последовательно обобщается на «знаковую деятельность» и на «деятельность» вообще. В соответствии с этим обобщаются и три формы проявления. Согласно выстраиваемой модели, речь пронизывает все формы человеческой активности, дополняясь другими формами знакопорождения и вместе с ними создавая основу для всех остальных форм человеческой активности. Аналогично, язык как смысловая структура личности является ее основой, дополняется другими знаковыми структурами и вместе с ними является основой для формирования более сложных смысловых структур сознания, мышления, умений человека. Также и язык как смысловая структура культуры является ее основой, дополняется другими знаковыми системами и вместе с ними является основой всех более сложных культурных форм. Основой всех этих структур является знак. Абстрактный знак принимается автором как бинарная структура, представляющая собой связку плана выражения и плана содержания. Но в каждой из трех форм проявления речевой деятельности и знаковой деятельности в целом знак принимает разную форму. Эти три формы существования знака автор называет онтологическими модусами знака. Три модуса знака являются основой не только знакопорождения, личной знаковой системы и коллективной знаковой системы, но и текста как результата речевой деятельности в целом. Текст, отделяясь от порождающего его акта коммуникации, также может быть рассмотрен в свете этих трех модусов: конкретная материализация текста, текст как транслируемый культурой и текст как некоторая структура субъекта. В статье также рассматриваются процессы коммуникации, которая не только является средой существования одного из модусов знака и текста, но и механизмом формирования двух других модусов и их «синхронизации».

Ключевые слова: семиотика, культурология, знак, онтологические модусы знака, язык, речь, коммуникация, культура, текст, смысл, значение, смысловая структура субъекта, смысловая структура культуры.

Вероятно, В. Гумбольдт был первым, кто «представил речь-язык в категориях деятельности» [1, с. 575–576]. Фердинанд де Соссюр развивал свою теоретическую лингвистику [2] в значительной степени в этом же направлении. По крайней мере, переводчик первого отечественного издания «Курса общей лингвистики» (1933 г.) А.М. Сухотин и его редактор Р.О. Шор предпочли в качестве перевода соссюрского *language* выбрать термины «речевая деятельность» и «языковая деятельность» (с некоторыми контекстуальными вариациями) [2, с. XXVII], а не «речь», как предлагал автор предшествующего, но незавершенного перевода А.И. Ромм [2, с. XVII]. Вероятно, именно такой русский перевод подтолкнул представителей раннего Московского методологического кружка (ММК)¹ строить теорию деятельности на основе базовых различий и концептов лингвистики Соссюра, обобщив их иным, отличным от традиционных структуралистов, способом.

Опираясь на базовые соссюрские различия в «речевой деятельности» языка и речи, индивидуального и общественного, а также на идею обобщения соссюрских концептов, реализованную в ММК, я развиваю в статье представления о знаке, знаковой деятельности, коммуникации и их месте в культуре.²

Языковая деятельность и языковой знак

В «Курсе общей лингвистики» Соссюр начинает построение лингвистической теории с различия в речевой (языковой) деятельности (*le language*) двух сторон: «речи» и «языка» [2, с. 19]. Можно сказать, что «язык» есть структура, задающая способность производить сигналы определенного типа, а «речь» – реализация этой способности, проявляющаяся в создании некоторого конкретного материального сигнала допустимой «языком» формы. Или же, что «язык» – некоторая коммуникативная система, а «речь» – осуществление коммуникации (или какого-то существенного аспекта коммуникации) средствами этой системы.

Как видим, в трактовке «языка» имеется некоторая двойственность индивидуального и общественного. Эта двойственность проявляется уже в трактовке Соссюра: «Язык – это клад, практикою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это – грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [2, с. 19]. С одной стороны, язык противопоставлялся Соссюром речи как общественное – индивидуальному. С другой стороны, языковой знак (и знак вообще) Соссюром рассматривался как структура психическая, а следовательно, состоящий из знаков «язык» должен был бы также трактоваться Соссюром как явление индивидуальное. Двойственность эта возникает потому, что не только речевая деятельность имеет две области проявления, но и сам язык, в свою очередь, имеет две взаимодополнительные сферы суще-

1 Возможно, еще в период разработки «содержательно-генетической логики», в традиции этого движения называемый «Московским логическим кружком».

2 Отдельные идеи развиваемой ниже теории затрагивались ранее в [3], [4] и ряде других работ, находящихся в печати.

ствования. С одной стороны, язык присутствует в каждом зрелом единичном субъекте в качестве его структуры³, проявляющейся (при отсутствии анатомических дефектов соответствующих органов) как способность к речи. С другой стороны, такой «индивидуальный язык» (идиолект) не исчерпывает языка (некоторого естественного языка) как такового, языка как средства коммуникации функционирующего в некотором человеческом сообществе. «Личный язык», идиолект может считаться только реализацией или проекцией языка коллективного; такая индивидуальная реализация не только частична относительно коллективного языка, но может содержать отличные от него элементы и принципы их применения.

Таким образом, речевая (языковая) деятельность проявляется не в двух, а в трех аспектах: как речь (часть процесса коммуникации), как личный язык (ядро смысловой структуры единичного субъекта – носителя языка), как коллективный язык (ядро культуры сообщества – носителя языка).

Основной структурной единицей и речи, и личного языка, и коллективного языка является языковой знак, или слово⁴. Поскольку речевая деятельность всегда проявляется в одном из трех своих аспектов, то и языковой знак (слово) имеет три альтернативные формы существования: в коммуникации (в речи), в единичном субъекте, в культуре (сообществе). Эти формы буду называть онтологическими модусами.

Знаковая деятельность, речь и коммуникация

Язык – частный случай знаковой системы, а языковой знак – частный случай знака. Для знаковой деятельности можно выделить те же три области проявления, которые мы выделили для языковой (речевой) деятельности. Действительно, если некоторая знаковая система не просто изложена на бумаге (как математические фикции «формальных языков»), а функционирует в некотором человеческом сообществе как средство коммуникации, то мы можем говорить (1) о знаковой системе, существующей в культуре данного сообщества и поддерживаемой им как одно из своих средств коммуникации; (2) о знаковой системе, представленной в виде смысловых структур субъектов – носителей данной культуры; (3) об активности по созданию сигналов, сообщений средствами данной знаковой системы.

Отличие языка (родного естественного языка) от других знаковых систем состоит лишь в том, что обычно они вторичны относительно языка и их знаки задаются при помощи языка⁵. Часто их знаки, в том числе слова неродных «естественных языков», так и остаются заданными «через перевод», то есть связь между знаковой формой и значе-

3 Язык (родной язык) является основой всех остальных смысловых структур субъекта.

4 Слово мы понимаем двояко: как словоформа и как лексема, сложная лексическая единица, с одной стороны, являющаяся некоторой структурой словоформ, с другой стороны, – узлом «лексических значений» (которые не всегда можно распределить по отдельным лексическим единицам). В модусе коммуникации единицей всегда выступает словоформа. В случае обоих аспектов языка под «языковым знаком» здесь также удобно подразумевать словоформу.

5 Нейронные структуры, соответствующие родному и изученным неродным языкам, даже локализируются в разных полушариях головного мозга.

нием осуществляется не напрямую, а опосредованно, через перевод знаковой формы в синонимичную знаковую форму родного языка. Вопрос о существовании «первичных» неязыковых знаков, то есть знаков, формирующихся без опосредующего естественно-языкового описания, оставляю здесь открытым.

Знаковая деятельность непосредственно связана с коммуникацией как общением при помощи знаков⁶. Общение двух носителей одной и той же культуры обычно происходит на их родном (естественном) языке. Но даже в этом случае акты коммуникации обычно изобилуют неречевыми сигналами. Помимо этого, существует много форм коммуникации, в которых основное передаваемое сообщение кодируется при помощи какой-нибудь вторичной знаковой системы. Примерами таких систем являются все системы письма, все варианты азбуки Морзе, нотное письмо и т.д.

Еще один вопрос, требующий уточнения, – соотношение речи и ее аналога в «знаковой деятельности» и коммуникации. «Речь» можно понимать по-разному, например, как процесс создания речевого (языкового) сообщения. Подобная активность состоит из таких структурных⁷ этапов, как создание сообщения на семантическом (1) и синтаксическом (2) уровнях, материализация сообщения (3) (обычно, его произнесение). Эти три взаимосвязанных действия (процесса, этапа) можно считать актом речи, или речевым актом. При обычном устном общении (я называю такие акты коммуникации непосредственными) материализация сообщения (3) одновременно является и его передачей адресату (4). Этот четвертый процесс сам по себе не входит в понятие речи, но является центральным звеном речевой коммуникации. Соответственно, при обобщении «речевой деятельности» до «знаковой деятельности» «речь» обобщается до знаковой активности по порождению и материализации знакового сообщения, знаковой конструкции в рамках соответствующей знаковой системы. Можно назвать эту активность знакопродуцирующей. Как и в случае речи, знакопродуцирующий акт составляет только часть соответствующего акта коммуникации.

В языковой деятельности Соссюр выделяет «индивидуальный акт, позволяющий воссоздать круговорот речи» [2, с. 16–17]; «Такой акт предполагает по крайней мере двух лиц: это минимум, требуемый для законченности круговорота речи» [2, с. 17]. Далее Соссюр фактически описывает акт речевой коммуникации, остающийся структурно тем же самым и в случае коммуникации вообще. Точнее, Соссюр описывает парный акт речевой коммуникации, поскольку «круговорот речи» включает как реплику, так и ответ на нее. В рамках речевого акта Соссюр выделяет (1') психическую часть – движение от смыслового содержания к форме его выражения (от лексического значения к акустической форме слова); (2') физиологическую часть – передачу сформированного акустического образа к органам речи; (3') физическую часть – передачу звуковых волн от органов речи говорящего к органам слуха адресата.

6 То есть транспортное сообщение я не рассматриваю здесь как часть коммуникации.

7 Рассматриваемые далее этапы являются «логическими» в смысле оппозиции логическое/историческое, на что я здесь и указываю словом «структурный». Фактически же соответствующие процессы идут почти одновременно, с многочисленными рекурсивными переходами на «логически», структурно предшествующие этапы.

Как же соотносятся выделенные мной и Соссюром этапы? Я выделил этапы речевого акта с точки зрения порождения и передачи речевого сообщения, тогда как Соссюр выделил этапы речевого акта с точки зрения природы происходящих процессов. Процесс (1') «круговорота речи» есть переход от этапа (1) к этапу (2) речевого акта и по результату может быть соотнесен с (2). Процесс (2') состоит в переходе от этапа (2) к (3) и, если (2') включает сам процесс артикуляции, то по результату может быть соотнесен с этапом (3). Процесс (3') соответствует этапу (4). Поскольку Соссюр разбирает элементарный случай, в котором передаваемое сообщение состоит из одного слова, то этап (1) излишен.

На основе своего членения «круговорота речи» Соссюр уточняет, что он понимает под «речью»: «Психическая часть также участвует не вполне: исполнительная (выполняющая) сторона в социальном явлении роли не играет, ибо выполнение никогда не производится массой; оно всегда индивидуально, и в нем всецело распоряжается индивид; мы будем называть его речью (*parole*)» [2, с. 18]. Таким образом, согласно определению Соссюра, «речь» – это процесс (1'), то есть движение от плана содержания к плану выражения. Мне такое понимание речи представляется слишком узким. Но оно соответствует области интереса лингвистики и семиотики, для которых важно само сообщение (текст), его структура и различные свойства, но не важен конкретный физический, физиологический и т.п. механизм его порождения и передачи. Фактически соссюровское понимание речи дает основание для последующей структуралистской редукции речи к тексту. В этом случае базовой принимается оппозиция «язык/текст» как оппозиция парадигматической структуры и синтагматической конструкции, реализующей некоторые из задаваемых языком возможных способов построения сообщения.

Онтологическая схема знака

Здесь мы подошли к центральной теме нашей статьи, концепту знака. Существует два принципиально разных понимания знака. Первое понимание – знак как материальный объект или материальное явление, которое в некотором акте коммуникации или иной деятельности функционирует «в качестве знака». Такое понимание знака распространено в обыденной речи, а также обычно принимается в логике, например: «Знаком называется материальный объект, который для некоторого интерпретатора (субъекта) выступает в качестве представителя какого-то другого предмета» [5, с. 9–10]. Это понимание мне представляется вторичным. Первично же понимание знака как некоторой структуры, задаваемой знаковым отношением или задающей знаковое отношение. Так, например, Соссюр в «Курсе общей лингвистики» говорит: «Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ» [2, с. 66]. Но здесь, на мой взгляд, требуется ряд уточнений.

В качестве схемы абстрактного знака (то есть безотносительно к способу существования) я принимаю бинарную структуру, в которой одна сторона называется планом выражения, а другая – планом содержания. При рассмотрении различных семиотических явлений обе стороны абстрактного знака могут уточняться по-разному. Соображений в пользу бинарной схемы два: с одной стороны, это минимальная, нередуцируемая схема

знака, с другой же стороны, семантический треугольник (альтернативная, причем обычно онтологически нагруженная схема знака) при дополнительном анализе уже превращается в семиотический квадрат с двумя альтернативными бинарными подструктурами.

Как выше обсуждалось, и речевое сообщение, и язык в индивидуальной форме, и язык в коллективной форме состоят из знаков как базовой или основной единицы. Аналогично, в той или иной сфере знаковой деятельности в качестве базовой единицы выступает уже знак: единицей и знакового сообщения, и знаковой системы как парадигматической структуры единичной личности, и знаковой системы как парадигматической структуры культуры сообщества. Но в каждой из этих трех областей знаковой деятельности знак существует в разной форме. Выше было принято называть эти формы существования онтологическими модусами знака. Соединяя бинарную схему абстрактного знака с представлением об онтологических модусах, получаем онтологическую схему знака (рис. 1). Узлы схемы соответствуют различным аспектам знака (сторонам знаковой структуры), вертикальные ребра – онтологическим модусам знака, верхняя грань – плану выражения, синтаксиса, знаковой формы, нижняя грань – плану содержания, семантики, значений. На схеме «В» маркирует сторону выражения, а «С» – сторону содержания абстрактного знака. Индекс «к» при букве маркирует модус существования в коммуникации, «и» – в единичном субъекте (индивиде), «о» – в культуре (обществе). Соответственно, (Вк – Ск) представляет знак в коммуникации, (Ви – Си) – знак в субъекте, (Во – Со) – знак в культуре. Треугольник (Вк – Ви – Во) представляет пространство синтаксических структур, а треугольник (Ск – Си – Со) – пространство семантических структур.

Разберем, как представления разных школ о знаке и его аспектах соотносятся с построенной онтологической схемой знака. Начнем с именованых аспектов знака в различных традициях. Вк

– материальная знаковая форма, или материальный знак; в обыденной речи и фрегеанской традиции обычно отождествляется со «знаком»; в ММК называлось «обозначающим». Ви – индивидуальная смысловая знаковая форма, у Соссюра – «означающее» (с психической трактовкой). Во – общественная смысловая знаковая форма. Ск – предметное значение, денотат, референт; во фрегеанской традиции – «значение»; в ММК – «обозначаемое». Си – индивидуальное смысловое значение; у Соссюра – «означаемое» (с психической трактовкой). Со – общественное смысловое значение; вероятно, также «смысл» у Фреге.

Теперь рассмотрим несколько основных представлений о том, что такое знак. Во фрегеанской традиции и часто в обыденной речи знак отождествляется с Вк. Соссюр знаком считал пару (Ви – Си), трактуя ее стороны и связь между ними как психические структуры [2, с. 68].

Во фрегеанской традиции знаковую структуру рассматривают как тройку (Вк – С* – Ск), где С*, «смысл» – Со или Си. Я принимаю трактовку, что «смысл» Фреге понимал

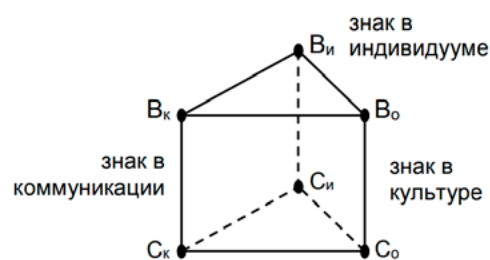

Рис. 1. Онтологическая схема знака.

«объективно», как нечто, существующее отдельно от человека [6, с. 232-233] (см. также «Введение» Б.В. Бирюкова к этому изданию, который предполагает влияние на Фреге в этом вопросе Р.Г. Лотце [6, с. 25]). В силу этого такой вариант семантического треугольника можно назвать «объективным». Другой, «субъективный» вариант имеет место, на мой взгляд, в треугольнике Патанджали-Вьясы [7, с. 158–160]. К такой трактовке я склоняюсь в силу того, что среди терминов, относящихся к смысловому содержанию акта называния, встречается характеристика его как «ментального акта» [7, с. 159]. Но вопрос об историко-философской атрибуции «объективной» и «субъективной» форм семантического треугольника нуждается в более детальной историко-терминологической интерпретации.

В традиции ММК (например, [8, с. 2–3]) знаковая структура представляется бинарной схемой и как таковая может быть отождествлена с парой (Вк – Ск). При этом, сама связь Вк и Ск называется связь-значение и понимается как результат деятельности, связывающей материальный объект или явление, используемое в качестве знака, с соответствующим обозначаемым. На этом уровне рассмотрения мы можем соотнести «связь-значение» со «смысловым значением» (в моей терминологии). В этом случае, знаковая структура будет иметь вид семантического треугольника. В зависимости от индивидуального или надиндивидуального понимания деятельности, это будет «субъективный» или «объективный» вариант треугольника. «Знак» при этом понимается как обозначающее, материальная знаковая форма (Вк) вместе со «связью-значением» [8, с. 3], то есть собственно знак – это пара (Вк – Си) или (Вк – Со). Но никакой материальный объект (явление) сам по себе не связан не только с «обозначающим», но и со «смысловым значением» (в этом, на мой взгляд, состоит философская ошибка фрегеанства). В рамках развиваемого мной подхода, эта связь Вк и Ск осуществляется благодаря паре (Ви – Си) на уровне индивида или паре (Во – Со) на уровне сообщества (культуры). Соответственно, при таком понимании «связи-значения», знак будет иметь вид (Вк – Ви – Си) в индивидуальном варианте или (Вк – Во – Со) в общественном варианте.

В заключение отмечу, что схему треугольной призмы имеет реальная элементарная структура далеко не всех знаков. Если треугольник плана выражения имеет место для всех знаков, то в плане содержания не все знаки имеют аспект Ск (предметное значение). Можно выделить несколько таких вариантов. Первый вариант – знаки, в принципе не подразумевающие Ск. Иногда их называют неденотативными знаками. Это такие «символы» как флаг, герб, гимн, девиз и т.п. Их смысловые значения не содержат отсылки к некоторому объекту в качестве предметного значения. Денотативные знаки такую интенцию имеют всегда, даже если денотат, предметное значение отсутствует в предметной области. Такие знаки называются пустыми. Это второй вариант. Можно найти и другие типы подобных знаков. Такая ущербность теоретической схемы имеет место для обоих вариантов семантического треугольника, бинарной схемы «обозначающее – обозначаемое» и всех других конструкций, содержащих Ск в качестве одного из аспектов знаковой структуры.

Деятельность и культура

Намеченную линию обобщений можно продолжить и от «знаковой деятельности» перейти к «деятельности» вообще. В рамках ММК членение «речевой/языковой деятельности» на «язык» и «речь» обобщалось в рамках «деятельности» как «норма – реализация» или как «культура – производство» [9; 10; 11]. Например: «Так мы приходим к необходимости разделить внутри социума две разные сферы – собственно производства и “культуры”; последнее – это совокупности тех средств, которые обеспечивают восстановление производственных (или каких-либо иных) структур» [9, с. 200].

С моей точки зрения, в рамках «деятельности», так же как ранее в языковой и знаковой деятельности, можно также выделить три сферы проявления: (1) некоторая социальная активность, протекающая в заложенных в культуре формах; (2) культура как парадигматическая структура общества, кодирующая весь спектр возможных в данном сообществе форм деятельности и поведения; (3) культура как проекция в субъекта этих социальных норм и структур, как парадигматическая структура личности, кодирующая многообразие ее личных форм поведения, деятельности и т.п. Здесь требуется некоторое дополнительное разъяснение.

Треугольник «знакопродуцирование – знаковая система на личностном уровне – знаковая система на коллективном уровне» имеется для всех видов знаковой деятельности. Но, переходя от языковой к знаковой деятельности, мы имеем не некую обобщенную знаковую систему на личностном и коллективном уровнях и основанное на них знакопродуцирование, а совокупность – точнее, некоторую гиперсистему – знаковых систем на уровне сообщества (его культуры), на уровне отдельных его членов, а также знакопродуцирование на основе каждой из знаковых систем, имеющих в этой культуре и в арсенале ее носителей (при этом, каждый конкретный индивид может не владеть какими-то из знаковых систем культуры, владеть ими частично или даже неверно).

Аналогично при обобщении «знаковой деятельности» до «деятельности» мы имеем дело не с деятельностью вообще, а с некоторыми конкретными видами деятельности и для каждого из этих видов мы выделяем три соответствующих аспекта: парадигматическую структуру в культуре, парадигматическую структуру в единичном субъекте и продуцирующую деятельность субъекта, основанную на этой парадигматической структуре. Наличие этих трех областей проявления у некоторой частной деятельности может считаться критерием ее институализации. Будет ли эта деятельность минимальным видом деятельности или семейством деятельностей зависит от того, можно ли в ней выделить более мелкие виды деятельности.

Здесь мы непосредственно подходим к проблематике разделения труда. Некоторые виды продуцирующей деятельности совершаются только в кооперации большого числа людей, совершающих разные группы действий и, соответственно, вся сложная кооперативная деятельность осуществляется на основании только коллективной парадигматической структуры, а каждый работник может быть носителем только какого-то ее фрагмента. Выделение системы действий, соответствующих некоторому месту в системе технологического разделения труда, в отдельный вид деятельности (или профессию)

напрямую связано с формированием для нового вида деятельности соответствующей самостоятельной парадигматической структуры.

Отечественный философ науки и культуры М.К. Петров в основу своей типологии культур положил семиотический прием, функционирующий в культурах данного типа для воспроизводства номенклатуры профессий (верхний, институционализированный уровень системы разделения труда) [13]. Например, система богов (духов, святых и т.п.), каждый из которых имеет собственное имя (ряд имен) и покровительствует некоторым занятиям, причем разные имена одного и того же бога обычно маркируют его как покровителя той или иной деятельности, профессии, занятия. С другой стороны, каждый вид человеческой активности имеет одного или нескольких богов-покровителей. Таким образом, вся система человеческой деятельности (профессиональной, вспомогательной, досуговой и т.д.) оказывается охваченной системой имен богов и, таким образом, погруженной внутрь семиотической гиперсистемы. В нашем обществе такое погружение происходит через названия профессий, специальностей и должностей (с соответствующими квалификациями и должностными инструкциями), системы кодов специализаций и тем (ВАКа, ГРНТИ, УДК, ББК, Doi, ...) и т.д. Таким образом, можно утверждать, что вся система человеческой деятельности охвачена различными знаковыми системами в качестве их предметных значений. Кроме того, многие виды человеческой деятельности фиксируются также в системе смысловых значений. Например, в структуре так называемых моторных понятий (А.Р. Лурия). Кроме того, выделение того или иного предмета связано с соответствующей деятельностью по его вычленению из окружающего мира, отделению от других предметов и вариантов и т.п. Так, например, выделение и понимание таких объектов как «стол» подразумевает не только навык мысленно осуществлять соответствующие предметные манипуляции по отделению «столов» от «не-столов», но и моторные навыки владения «столами» (в данном случае, навык принимать соответствующее положение тела и осуществлять при помощи «стола» те или иные действия). Еще более эта связь навыка восприятия и слова (или иного знака) видна в выделении различных градаций некоторого физического воздействия: шкалы оттенков цвета, шкалы однотонных звуков (музыкальных), шкалы темпа звукового потока (музыки), шкалы громкости звука (в частности, музыки) и т.д.

Таким образом, вопрос должен стоять, существуют ли какие-либо элементы человеческой активности или предметности, которые не включены тем или иным способом в гиперсистему языка и вторичных знаковых систем. Моей рабочей гипотезой является отрицательный ответ, что таких предметностей и активностей на уровне культуры не существует. Открытым для меня остается вопрос: существуют ли такие действия и предметности временно (когда они выделены человеком впервые и еще не успели быть «схвачены» знаком) или же процесс их выделения и есть процесс опредмечивания их посредством знака?

Помимо «культуры» как парадигматической структуры всего сообщества, можно говорить о культуре как парадигматической структуре также и в других контекстах. Поскольку сообщества людей входят в состав других, более крупных сообществ, или имеют в своем составе более мелкие сообщества, то можно говорить о культуре не только

большого сообщества, но и о культурах составляющих его территориально или социально локальных сообществ. В этом случае обычно говорят о субкультурах (относительно культуры вмещающего сообщества).

Также часто говорят о той или иной профессиональной культуре, о культуре того или иного вида или рода деятельности и т.п. Для отделения такого понимания можно говорить, например, о прикладных или профессиональных культурах. Таким образом, если культуру основного, большого сообщества назвать национальной или этнической (понимая под этим любую самостоятельную этническую единицу: народ, народность, племя и т.п.), то, с одной стороны, в ней выделяются субкультуры, а с другой стороны, прикладные культуры. Даже в обществах кастового типа эти два деления не совпадают, хотя и имеют тенденцию к сближению.

Приняв такое словоупотребление, необходимо признать, что можно говорить о семиотических культурах сообщества и отдельных людей, и уже – об их языковых культурах (культурах родного языка или языков на коллективном и индивидуальном уровнях). Таким образом, язык не просто включен в культуру как один из ее феноменов, но является ее частью (одним из видов прикладной культуры), причем эта часть является ядром, вокруг которого формируется слой прикладных семиотических культур (культур владения той или иной вторичной знаковой системой), а уже над ними или вместе с ними формируется остальная часть «большой» культуры.

Перенос этих представлений с коллективного на индивидуальный уровень дает нам представление о структуре субъекта (личности). Ядро субъекта (как личности) образует базовая парадигматическая структура его родного языка. Это ядро расширяется и дифференцируется по мере освоения субъектом как самого языка (в частности, его специфических сфер в ходе получения общего и специального образования), так и других знаковых систем («языка» символической математики, структурных формул химии, музыкальной нотации и т.п.). При помощи такого расширенного семиотического ядра и на его базе могут формироваться другие навыки и знания. Остается открытым вопрос, насколько возможны парадигматические структуры деятельности (в том числе и на личностном уровне), не «схваченные» тем или иным знаком и не описанные той или иной знаковой конструкцией.

Некоторым аналогом знаков в незнаковой деятельности являются навыки, умения и т.п. В первую очередь, навыки некоторых «элементарных» действий, операций и т.п. Но здесь можно и обернуть трактовку. С моей точки зрения, каждый знак является комплексом навыков, умений. Так, освоить некоторый знак как некоторую форму, это значит научиться выделять или создавать в материальном мире объекты, явления, действия, которые могут выступать в качестве «материальных форм» знака. Аналогично, освоить некоторый знак семантически – значит научиться выделять или создавать в материальном или воображаемом мире объекты или явления, которые могут выступать в качестве предметных значений знака. Такие навыки фиксируются в «смысловом значении» знака. При этом, совокупность знаков не только задает членение мира (через номенклатуру названий). В ряде случаев «смысловое значение» фиксирует тот или иной моторный навык. Да и многие названия не только конструируют соответствующий класс объектов,

но и фиксируют основные навыки обхождения с этими объектами («стол», «стул» и т.п. это не только и даже не столько некоторая форма объекта, сколько некоторый комплекс действий и способов использования). Другие слова фиксируют навыки интеллектуального (ментального, мысленного и т.п.) конструирования. Отсюда можно выдвинуть гипотезу, что все элементарные (и некоторые более сложные) моторные навыки человека фиксируются в его языке и знаках специальных знаковых систем.

Деятельность и продуцирование (обобщение «речи» в контексте деятельности)

Третья сторона деятельностного треугольника, отличная от «культуры» как парадигматической системы в коллективном и личном аспектах, – это некоторое продуцирование в соответствии с принципами этой парадигматической системы (культуры). Здесь нужно обратить внимание, что переход от «знаковой деятельности» к деятельности вообще является более радикальным, чем переход от «языковой (речевой) деятельности» к «знаковой деятельности». В случае речи и другой знакопродуцирующей активности нас интересуют знаковые конструкции (синтагматические конструкции), построенные средствами той или иной знаковой системы. В случае же незнаковых видов деятельности обобщение или иной перенос понятия синтагмы далеко не очевиден.

Такие виды человеческой активности как обряды, ритуалы, многие игры содержат значительную семиотическую компоненту, в силу чего их даже можно с некоторыми оговорками рассматривать как своеобразные знаковые системы и знаковые структуры, как это делают антропологи-структуралисты («языки» и «тексты» в их терминологии). Соответственно, в таких видах активности можно выделить некоторое подобие синтагматических конструкций (те или иные ритуальные действия и их последовательности). Но не понятно, можно ли такой подход применить ко всем видам человеческой активности.

В случае производственной деятельности некоторым аналогом конечной синтагматической конструкции (сообщения) можно считать конечный продукт (результат). Точнее будет здесь сказать, что «сообщение» (итоговая синтагматическая конструкция) является «конечным результатом» для речи и иных знакопродуцирующих действий. Но мы знаем, что не вся человеческая активность осуществляется ради конечного результата. Например, многие активности осуществляются ради получаемого в их процессе удовольствия, а не кажущегося конечного результата.

Направление решения этого вопроса во многом зависит от уточнения самого понятия «речи», так, видимо, и от целей исследования. Я не буду здесь углубляться в данный вопрос, поскольку моей задачей является лишь уточнение понятия культуры как парадигматической структуры, задающей многообразие деятельностных и поведенческих форм социальной активности некоторого сообщества, и знака как основного кодирующего элемента культуры.

Схема коммуникативного акта

Выше я затрагивал уже отдельные аспекты коммуникативного акта. Рассмотрим теперь его структуру более подробно. (1) Коммуникативный акт содержит две стороны

(двух акторов), одну из которых можно назвать инициатором, а другую адресатом коммуникации. В принципе, в качестве как одной, так и другой могут выступать не только единичные, но и групповые субъекты. В ряде частных прагматических видах коммуникации инициатор может называться ритором, автором или исполнителем, а коллективный адресат – аудиторией или публикой. (2) С каждым из акторов связана некоторая совокупность личных обстоятельств (подситуация) – сумма различных материальных и нематериальных факторов, влияющих на поведение актора, создание или восприятие им сообщения; в частности, мотивы, побудившие его вступить в коммуникацию, цели, которых он хочет добиться в коммуникации и через коммуникацию, и т.д. Сюда же могут включаться язык и другие знаковые системы субъекта в индивидуальном модусе. (3) Общая часть коммуникативной ситуации включает различные компоненты. Обстоятельства времени, места и положения могут быть у акторов общими или различными. Но нормальная коммуникация всегда основана на некоторой общей культуре (субкультуре). Кроме того, всегда имеется некоторый динамически расширяющийся компонент, называемый полем коммуникации и включающий те знания, факты, приемы, оценки, различные знаки (в том числе, слова и термины), знаковые системы и т.д., с которыми акторы обоюдно согласились. Эта знаково-знаниевая среда, составляет общую действительность коммуникантов и, с одной стороны, необходима в качестве основы для начала коммуникации, а с другой стороны, расширяется в ходе коммуникации. Разделение между общей культурой и полем коммуникации требует отдельного детального рассмотрения. При переходе коммуникации от отдельных актов и разговоров к институционализированной форме дискурса поле коммуникации расширяется и стабилизируется в субкультуру вновь образующегося в ходе этой коммуникации сообщества. Язык, знаковые системы, некоторые знания и т.д. могут считаться частью общей коммуникативной ситуации, при этом отдельные знаки, знаковые системы и сложные знаковые конструкции выступают в своем общественном модусе. (4) Отдельной частью стоит выделить предметную область коммуникации. В частном случае провальной коммуникации может оказаться, что каждый актор коммуникации имеет свою предметную область. (5) Между инициатором и адресатом коммуникации всегда существует некоторая дистанция, которую необходимо преодолеть сообщению в ходе коммуникативного акта. Эта дистанция складывается из пространственной, временной и социальной компонент (дистанций), а также свойств сред (сопротивления), через которые необходимо передать сообщение. (6) Знаковое сообщение, рассматриваемое как с точки зрения его знаковой формы (структуры плана выражения), так и с точки зрения его содержания (информации, которая одной стороной должна быть закодирована в передаваемую знаковую форму, а другой стороной – реконструирована на основе полученной знаковой формы). (7) Сообщение всегда передается посредством некоторого материального носителя. В или на материале носителя реализуется материальная знаковая форма, вместе с носителем она передается и вместе с ним может быть разрушена. В зависимости от вида коммуникации, целей и задач ее моделирования и т.п. отдельными составляющими коммуникативной ситуации можно пренебречь и считать их отсутствующими или же, наоборот, развернуть в более сложные конструкции.

Надо обратить внимание, что предложенная выше онтологическая схема знака фиксирует аспекты, или способы, существования знака. В действительности же каждый знак является сложной динамической структурой, в которой каждый модус знака присутствует во множестве реализаций, каждая из которых появляется и исчезает. Индивидуальный модус существует в структуре каждого субъекта – носителя этого знака. При этом, каждый носитель в какой-то момент данный знак освоил и рано или поздно умрет. Материальная форма знака существует в массе реплик, часть которых исчезает в момент их создания (обычная устная речь, жестикуляция, сигнализация светом, звуком или движениями), а часть сохраняется достаточно длительное время (в записи). Наконец, знак в культуре также может быть множественным в соответствии с выделяемыми иерархически организованными сообществами вмещающего социума. У каждого такого сообщества имеется своя субкультура и, соответственно, своя форма языка (наречие, диалект, жаргон).

Далее, на рис. 2 представлена упрощенная схема коммуникативного акта, в которой демонстрируется место онтологических модусов знака. Как видим, участвующий в коммуникации знак обычно представлен в ней во всех трех модусах: в общественной форме – как часть общей коммуникативной ситуации (или может быть вынесен вовне как часть общей культуры), в индивидуальной форме – как части индивидуальных обстоятельств участвующих в коммуникации индивидуальных субъектов, в коммуникативной форме – как материальное сообщение и подразумеваемая в нем часть предметной области.

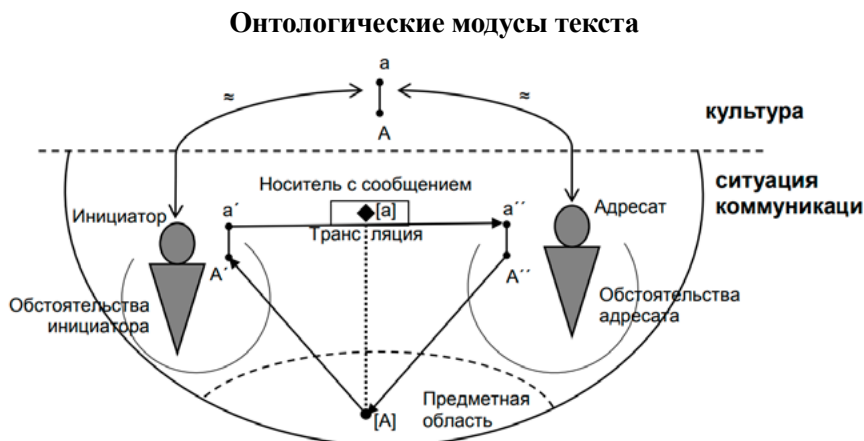

Рис. 2. Знак в коммуникативном акте.

На рис. 2 представлена схема коммуникативного акта, в котором сообщение является элементарным знаком. В случае, если сообщение достаточно развернуто, в нем один и тот же знак может встречаться многократно, что еще более усложняет знак как многомерную динамическую смысловую структуру знака. Но в этом случае нас обычно интересует не тот или иной отдельный знак сообщения, а сообщение целиком. Сложные сообщения мы обсуждаем как знаковые конструкции или – для естественных языков – как тексты. Что же такое текст, как существуют тексты и знаковые конструкции вообще?

Рассмотрим текст как некоторую знаковую конструкцию, безотносительно к его возникновению и функционированию в рамках того или иного коммуникативного акта. Любой текст состоит из знаков и, соответственно, может быть рассмотрен как сложенный из знаков в одном из трех онтологических модусов. Соответственно этому и текст может рассматриваться как имеющий три онтологических модуса: в коммуникации, в субъекте и в культуре. Текст в коммуникации – это как раз и есть воплощенное на/в материальном носителе сообщение. Текст в субъекте – это текст (чаще всего фрагмент текста), сохраняемый в памяти индивида. Так существуют выученные наизусть стихотворения и цитаты, пословицы и поговорки, анекдоты и другой устный фольклор. До сих пор в такой форме существуют значительные части ведической (когда-то все тексты, составившие «Веды») и буддийской традиций, «Коран» (на арабском) и др. Третий онтологический модус – тексты как смысловые структуры культуры. Это тексты, включенные в активную культурную трансляцию в соответствующем сообществе: перепубликующиеся, читающиеся, разучивающиеся наизусть, обсуждающиеся, изучающиеся и т.д.

Применение предложенной онтологической модели к анализу функционирования и существования текстов – вопрос отдельных исследований. Рассмотрим здесь в качестве примера способы существования «романа об Иешуа» внутри мира романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Роман Мастера об Иешуа существовал в коммуникативном модусе, во-первых, в бумажной рукописи до того момента, как Мастер его сжег. Во-вторых, его фрагменты в звуковой форме возникали во время чтения романа Маргарите. В-третьих, если следовать сюжету булгаковской фантазии, снова в виде рукописи после того, как Воланд воссоздал сожженную рукопись, и до того, как она повторно сгорела. В модусе структуры субъекта роман существовал в памяти написавшего его Мастера и читавшей его Маргариты (по крайней мере, в значительном объеме). В модусе же культуры он существовал недолго и только субкультуре семейного сообщества Мастера и Маргариты. (Если следовать волшебной линии Булгакова, то также в субкультуре сообщества некоторых сверхъестественных существ, которым открыты актуальные и былые помыслы людей, хотя не понятно, насколько применима предложенная онтологическая модель к воображаемому миру сверхъестественных существей).

Заключение

Подведу некоторые итоги. Всякий вид деятельности имеет три формы проявления, или существования: (1) как парадигматическая система, управляющая этой деятельностью на уровне всего рассматриваемого сообщества, (2) как парадигматическая система, управляющая этой деятельностью на уровне субъекта – члена сообщества, (3) как соответствующая активность отдельного субъекта или группы субъектов, осуществляемая по принципам данной парадигматической системы. Первый аспект деятельности я отождествляю с культурой соответствующего сообщества, второй – со смысловыми структурами членов этого сообщества и их личной культурой.

В различных видах знаковой деятельности эти три области выступают как знаковая система в форме общественной структуры (структура культуры сообщества), как знаковая

система в форме индивидуальной, смысловой структуры субъекта, как знакопродуцирующая активность субъекта (реже группы субъектов). В речевой (языковой) деятельности, эти аспекты выступают как язык в общественной и субъектной формах и как речь.

В соответствии с этим, каждый знак имеет те же три модуса существования: в культуре, в субъекте и в коммуникации. Текст как конструкция из знаков, текст имеет тот же модус существования, что и составляющие его знаки.

Коммуникация выступает в нескольких функциях. Во-первых, коммуникация – одна из трех областей существования знаков и знаковых конструкций. Во-вторых, через коммуникацию молодые особи в ходе своей социализации осваивают функционирующие в данном сообществе знаковые системы и способы сигнализации. В-третьих, посредством коммуникации члены сообщества «синхронизируют» свои знаковые системы и вменяют их молодым особям, в силу чего возникает эффект intersubjectivity, общественного существования этих систем. В-четвертых, сами сообщества образуются в ходе коммуникации; параллельно росту и институционализации сообщества его поле коммуникации также расширяется и стабилизируется в качестве субкультуры данного сообщества. Эта посредническая роль коммуникации нуждается в дальнейшем, более детальном анализе.

Список литературы

1. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение [1974] // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995. С. 545-576.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Пер. А.М. Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. Н.А. Слюсаревой. М.: Логос, 1998.
3. Шиян Т.А. Культура – знак – значение / Доклад // Научный семинар «Философский триптих: смысл – текст – культура». 10-15 июля 2023, Нижний Архыз (Карачаево-Черкессия).
4. Шиян Т.А. О структуре знака. Семиотический квадрат // Как возможна другая философия?: Материалы Всерос. Научн. Конф. с междунар. участием: XIX Таврические философские чтения «Анахарсис» / Под общ. ред. Ю.М. Коротченко, В.Ю. Ефанова. М.: РГГУ, 2023. С. 101-104.
5. Бочаров В.А., Маркин В.И. Основы логики. М., 1994.
6. Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000.
7. Классическая йога («Йога-Сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). М.: Наука, 1992.
8. Алексеев Н.Г., Костеловский В.А., Щедровицкий Г.П. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований (1960) // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995. С. 1-33.
9. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности (1966) // Г.П. Щедровицкий. Избранные

- труды. М., 1995. С. 197-227.
10. Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах (1967) // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995. С. 50-56.
 11. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) [1968] // Педагогика и логика. М., 1993. С. 16-200.
 12. Григорьев О.В. Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014.
 13. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
 14. Шиян Т.А. Текст как элемент акта коммуникации // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. Материалы 1-ой международной научной конференции «МСК – 2002». 27-29 ноября 2002 г. М., 2002. С. 93-94.
 15. Шиян Т.А. Диалог в свете типологии коммуникативных ситуаций [доклад на конференции] // XV ежегодная Всероссийская научная конференция «Таврические чтения “Анахарсис”»: «Прагматика философского текста». 16-19 сентября 2019, Новый Свет (Крым).
 16. Шиян Т.А. Дискурс как система коммуникации // Порядки дискурса в философии и культуре. Алёшинские чтения – 2020: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием Москва, 10–12 декабря 2020 г. / Отв. ред. А.А. Шиян, Э.Н. Сагетдинов. М., 2020. С. 16-21.
 17. Шиян Т.А. О трансформациях устной и письменной коммуникации в истории культуры (к вопросу о тенденциях и механизмах влияния информационных технологий) [глава в коллективной монографии] // Россия – Китай: на пути к цифровому будущему общества. М.: ГУУ, 2021. С. 78-126.
 18. Шиян Т.А. О трансформациях устной и письменной коммуникации в свете развития информационных технологий [глава в учебном пособии] // Культура управления в России и Китае: учебное пособие для подготовки бакалавров всех направлений. Часть 7. М.: ГУУ, 2021. Глава 4. С. 69-131.
 19. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: CORPUS, 2012.

Сведения об авторе

Шиян Тарас Александрович – кандидат философских наук, Центр гуманитарных исследований.

Shiyan T. A.

SIGN, COMMUNICATION, CULTURE, TEXT (ON THE ONTOLOGICAL MODI OF THE SIGN)

Abstract: *The article examines the understanding of culture as a paradigmatic structure that defines the diversity of institutionalized cultural forms of some well-established community of people, forms of its social life, activities, behavior of its members, etc. The basis for constructing a theoretical model is the Saussure's distinction between language and speech, complemented by the distinction between individual and social forms of the language itself. This introduces the idea of three forms of manifestation of "language (speech) activity": in speech (in communication), in individual language (semantic structure of the subject), in collective language (semantic structure of culture). Further, "language (speech) activity" is consistently generalized to "sign activity" and to "activity" in general. In accordance with this, three forms of manifestation are generalized. According to the building model, speech permeates all forms of human activity, being complemented by other forms of sign-making and together with them creating the basis for all other forms of human activity. Similarly, language as a semantic structure of personality is its basis, complemented by other sign structures and together with them is the basis for the formation of more complex semantic structures of consciousness, thinking, and human skills. Also, language as a semantic structure of culture is its basis, complemented by other sign systems and together with them is the basis of all more complex cultural forms. The basis of all these structures is the sign. The abstract sign is accepted by the author as a binary structure, which is a combination of a plan of expression and a plan of content. But in each of the three forms of manifestation of speech activity and sign activity in general, the sign takes a different form. The author calls these three forms of existence of the sign the ontological modi of the sign. The three modi of the sign are the basis not only of sign-making, personal sign system and collective sign system, but also of the text as a result of speech activity as a whole. The text, separating from the act of communication that generates it, can also be considered in the light of these three modes: the concrete materialization of the text, the text as transmitted by culture and the text as a structure of the subject. The article also examines the processes of communication, which is not only the surroundings of one of the modi of sign and text, but also the mechanism of formation of the other two modi and their «synchronization».*

Keywords: *semiotics, cultural studies, sign, ontological modus of sign, language, speech, communication, culture, text, sense, meaning, the conceptual structure of the subject, the conceptual structure of culture.*

References

1. Shhedrovickij G.P. Smysl i znachenie [1974] [The Sense and the Meaning] // G.P. Shhedrovickij. Izbrannye trudy. M., 1995. Pp. 545-576.
2. Saussure F. Kurs obshhej lingvistik [Cours de linguistique générale] / Trans. by A.M.

- Sukhotin; scientific ed. of the translation, foreword and notes by N.A. Slyusareva. Moscow: Logos, 1998. (In Russian).
3. Shijan T.A. Kul'tura – znak – znachenie [Culture – Sign - Meaning] / Report // Scientific seminar “Philosophical triptych: meaning – text – culture”. July 10-15, 2023, Nizhny Arkhyz (Karachay-Cherkessia).
 4. Shijan T.A. O strukture znaka. Semioticheskij kvadrat [On the Sign Structure. The Semiotic Square] // Kak vozmozhna drugaja filosofija?: Proceedings of the All-Russian Scientific Conf. with international participation: XIX Tauride Philosophical Readings «Anacharsis» / Under the general editorship by Yu. M. Korotchenko, V. Yu. Efanova. Moscow: RSUH, 2023. Pp. 101-104.
 5. Bocharov V.A., Markin V.I. Osnovy logiki [The Elements of Logic]. M., 1994.
 6. Frege G. Logika i logicheskaja semantika. Sbornik trudov [Logic and Logical Semantics]. M.: Aspekt Press, 2000. (In Russian).
 7. Klassicheskaja joga («Joga-Sutry» Patandzhali i «V'jasa-bhash'ja») [Classical Joga (“Yoga-sūtrāṇi” Pātañjala and “V'jasa-bhash'ja”)]. M.: Nauka Publ., 1992.
 8. Alekseev N.G., Kostelovskij V.A., Shhedrovickij G.P. Princip «parallelizma formy i sodержaniya myshlenija» i ego znachenie dlja tradicionnyh logicheskikh i psihologicheskikh issledovanij (1960) [The Principle of “Parallelism between Forms and Content of Thinking”] // G.P. Shhedrovickij. Izbrannye trudy. M., 1995. Pp. 1-33.
 9. Shhedrovickij G.P. Ob ishodnyh principah analiza problemy obuchenija i razvitija v ramkah teorii dejatel'nosti (1966) [On the Initial Principles in Analyzing the Problem of Teaching and Developing in the Activity Theory Borders] // G.P. Shhedrovickij. Izbrannye trudy. M., 1995. Pp. 197-227.
 10. Lefevr V.A., Shhedrovickij G.P., Judin Je.G. «Estestvennoe» i «iskusstvennoe» v semioticheskikh sistemah (1967) [The Natural and the Artificial] // G.P. Shhedrovickij. Izbrannye trudy. M., 1995. Pp. 50-56.
 11. Shhedrovickij G.P. Sistema pedagogicheskikh issledovanij (metodologicheskij analiz) [1968] // Pedagogika i logika [The System of Pedagogical Research]. M., 1993. Pp. 16-200.
 12. Grigor'ev O.V. Jepoha rosta. Lekcii po neonomike. Rascvet i upadok mirovoj jekonomicheskoy sistemy [The Epoch of Growing]. M.: Career Press Publ., 2014.
 13. Petrov M.K. Jazyk, znak, kul'tura [Language, Sign, Culture]. M.: Nauka Publ., 1991.
 14. Shijan T.A. Tekst kak jelement akta kommunikacii [Text as an Element of Communicative Act] // Metody sovremennoj kommunikacii: problemy teorii i social'noj praktiki. Proceedings of the 1st International Scientific Conference “MSC – 2002”. November 27-29, 2002. M., 2002. P. 93-94.
 15. Shijan T.A. Dialog v svete tipologii kommunikativnyh situacij [report at the conference] [The Dialogue I the Light of the Communicative Situations Typology // V Annual All-Russian Scientific Conference “Tauride Readings “Anacharsis”: “Pragmatics of the Philosophical Text”. September 16-19, 2019, Novy Svet (Crimea)
 16. Shijan T.A. Diskurs kak sistema kommunikacii [Discourse as a Communicative

- System] // Porjadki diskursa v filosofii i kul'ture. Aljoshinskie chtenija – 2020: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation Moscow, December 10-12, 2020 / Ed. A.A. Shiyan, E.N. Sagetdinov. Moscow, 2020. Pp. 16-21.
17. Shiyan T.A. O transformacijah ustnoj i pis'mennoj kommunikacii v istorii kul'tury (k voprosu o tendencijah i mehanizmah vlijanija informacionnyh tehnologij) [chapter in a collective monograph] [On the Transformations of Oral and Written Communication in the History of Culture] // Russia – China: Towards a Digital Future of Society. Moscow: State University of Management Publ., 2021. Pp. 78-126.
18. Shiyan T.A. O transformacijah ustnoj i pis'mennoj kommunikacii v svete razvitija informacionnyh tehnologij [chapter in the textbook] [On the Transformations of Oral and Written Speech in the Light of the Informational Technologies Development] // Management Culture in Russia and China: a textbook for training bachelors in all areas. Part 7. Moscow: State University of Management publ., 2021. Chapter 4. Pp. 69-131.
19. Burlak S. Proishozhdenie jazyka: Fakty, issledovanija, gipotezy [The Genesis of Language] M.: Astrel': CORPUS Publ., 2012.

Shiyan Taras A. - CSc in Philosophy, Foundation for Humanities.